

2. Ирбитский историко-этнографический музей.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31.

УДК 94(47)

ББК 789.561

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК07.00.02

Н.В. Мельникова

Екатеринбург

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОДЫ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА²

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: атомный проект СССР, коммуникация, информационные коды

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются официальные и неофициальные информационные коды коммуникативного пространства советского атомного проекта, которые обеспечивали его секретность и формировали корпоративную культуру «атомной» социальной общности.

N.V. Melnikova

Yekaterinburg

INFORMATION CODES OF THE SOVIET NUCLEAR PROJECT

KEY WORDS: nuclear project of the USSR, communication, information codes

ABSTRACT. The article analyzes official and informal information codes of the Soviet nuclear project's communicative space, which provided its secrecy and formed corporate culture of a «nuclear» social community.

Информационное поле советского атомного проекта было насыщено разного рода зашифрованной информацией, условными названиями и ложными (отвлекающими) предметами. Формировались специфические информационные коды, одни из которых были

---

² Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00053.

частью системы по охране гостайны (назовем их «официальные»), другие стихийно появлялись в повседневном дискурсе. В этом закодированном пространстве приспособлялись жить люди, используя официальные коды и изобретая собственные, преодолевая или игнорируя семантические помехи.

Все, что так или иначе было связано с созданием атомного оружия, именовалось в документообороте «специальными работами», а непосредственно создание атомной бомбы – «проблемой № 1». «Специальными» назывались совещания и комиссии, решения и постановления, исследовательские группы и лаборатории, кадры и отдельные лица, приборы, установки и оборудование, помещения, охрана, счета, литература и т.д. Данная формулировка не только скрывала то, что являлось государственным секретом, но и подчеркивала особый статус этой деятельности.

Все производственные единицы проекта считались «объектами». Это было общее наименование, маркирующее их как поле приложения сил и действий. Институты, лаборатории и заводы имели номера: Лаборатория № 2, НИИ-9, завод № 817, КБ-11. Эти названия различались в зависимости от того, для кого предназначалось их употребление (внутри Первого главного управления, между министерствами и ведомствами, для местных организаций), и изменялись во времени. В переписке по ведению транспортных и финансовых операций с поставщиками материалов и оборудования Первое главное управление должно было именоваться «Главгорстрой СССР», а подчиненные ему предприятия и учреждения получали названия «база», «склад» или «контора». Эти обозначения должны были, видимо, вызывать ассоциацию с какими-то очень приземленными, обычными, рядовыми заведениями. Часто и весь закрытый город, построенный для обслуживания градообразующего «атомного» предприятия, назывался словом «объект».

Кроме реальных объектов строились ложные заводы и комбинаты, предназначенные для отвлечения внимания от действительных. Так «атомный комбинат по производству плутония» в районе г. Усть-Каменогорска в действительности был предприятием по переработке бериллиевых руд, «диффузионный комбинат» в 140 км от Куйбышева – заводом точных приборов, «завод по сборке атомных бомб» в Приморском крае – химическим заводом по производству урановых концентратов (14. С. 652).

В документах наименования секретных химических элементов,

сырья, терминов и производственных методов либо пропускались при наборе текста секретарями-машинистками и потом вписывались от руки теми, кто имел доступ к этой секретной информации, либо заменялись на условные обозначения. Система этих специальных обозначений была одобрена на заседании Специального комитета при Совете министров СССР в 1949 г. (9. С. 345–351). В переписке с уранодобывающими предприятиями слово «уран» заменялось на «стронций» (для Комбината № 6), «свинец» (для Дальстроя СССР), «фосфор» (для Министерства металлургической промышленности), «титан» (для Министерства геологии), «смола» (для Комбината № 7). В переписке с научно-проектными и исследовательскими организациями уран-238 обозначался как «кремнил», уран-235 и 233 как «кремнил I и II» соответственно, плутоний заменялся на «аметил», радий – на «воприл», цепная реакция становилась «окислением», обогащение – «увлажнением», вредные излучения – «отходящими газами». Уран-графитовый реактор скрывался под «конденсационным методом», газодиффузионный метод в документах был «турбулентным», а электромагнитный метод – «гравитационным». Атомная, а позднее и водородная бомба называлась в официальных документах «изделие». В дискурсе закрытых городов «изделием» или «продукцией» именовались любые разновидности производимого на секретных предприятиях (за этими словами мог скрываться уран, плутоний, литий, детали атомной бомбы и проч.).

Иногда секретность становилась информационной помехой, которая препятствовала адекватному пониманию. Показателен случай, произошедший в начале 1950-х годов в Лаборатории измерительных приборов АН СССР, куда А.И. Веретенников (будущий заместитель главного конструктора ВНИИЭФ по внешним испытаниям, а тогда начинающий научный сотрудник КБ-11) был направлен в ЛИПАН (будущий Курчатовский институт) для участия в семинаре с результатами своих исследований по урану. В своем сообщении он рассказывал об измерениях на «олове-118» (как в соответствии с режимными требованиями КБ-11 следовало называть естественный уран). Доклад был встречен «непонятным молчанием». В конце один из присутствующих на собрании известных физиков высказал сомнение в правильности результатов для олова. Тут молодой ученый проговорился. «Так это же не олово! [...] это же уран!», – сказал он, испугавшись произнесенного. Реакция ау-

дитории была бурной: «А что же Вы нам так долго голову морочили!» (10. С. 60–61). Так режим секретности заставлял говорить на разных языках даже тех, кто занимался схожими вопросами.

Тенденция к зашифровыванию распространялась не только на научные понятия, но и на фамилии первых лиц атомного проекта: согласно приказу ПГУ от 29 декабря 1948 г. И.В. Курчатов должен был именоваться в несекретных письмах и телеграммах Бородиным, Б.Л. Ванников – Бабаевым, М.Г. Первухин – Георгиевым, А.П. Завенягин – Павловым, Е.П. Славский – Ефимовым (6. С. 34; 13. С. 93). В большинстве своем конспиративные формулы были довольно просты: в «тайных» фамилиях читаются отчества (у Первухина, Завенягина, Славского). Эти кодовые имена использовались в служебной несекретной переписке, в секретной же фигурировали настоящие фамилии.

Словно продолжая «тему» кодирования, в повседневном дискурсе употреблялись прозвища. Особенно они были популярны среди физиков: Абуша (А.И. Алиханов), папа (А.Ф. Иоффе, родоначальник школы советских физиков), Кентавр (П.Л. Капица, умевший быть и «очень мягким, и очень жёстким»), Дау (Л.Д. Ландау, как объяснял он сам, от фр. *L'ane Dau* – осел Дау), Чук (И.А. Померанчук), НГэ (Н.Г. Флеров), Халат (И.М. Халатников), ЮБэ (или Юбрь) (Ю.Б. Харитон), Ябрь (Я.Б. Зельдович) (2. С. 53; 3. С. 76; 7; 16. С. 40). Так это сообщество, раздавая системные имена, определяло свои границы, противопоставляя свою среду (творческую, живую) официальному, рутинному. Прозвища были символом принадлежности к группе, включенности в систему ее социальных отношений с определенными правами и обязанностями.

Самым известным было прозвище И.В. Курчатова: его, обладателя пышной бороды, так и называли – «Борода». Естественно, большинство не адресовались так к Игорю Васильевичу «в глаза», поскольку такое обращение предполагает довольно личностное, близкое общение, но о кличке знали многие, в том числе и не входившие в сообщество физиков (например, работники плутониевого завода в г. Озерске) и использовали ее заочно. Именно это прозвище легло в основу его условной фамилии, равно, как и условная фамилия Б.Л. Ванникова была образована от прозвища, данному ему И.В. Курчатовым – «бабай» (3. С. 77), что по-казахски означает «старик, предок по отцовской линии» (видимо, тот, кто составлял документ о присвоении кодовых имен знал этот внутренний сленг

и был не лишен чувства юмора, перенося его в официальное поле).

Оказавшись «во внутреннем круге» проекта люди стремились освоить и присвоить пространство, персонифицируя его и населяя понятными им образами. В неофициальном дискурсе закрепились различные обозначения атомного предприятия (а заодно и поселения). Для тех, кому после стажировки только предстояло отправиться к месту будущей работы, это была «точка», «база», «объект». Кроме того, были распространены названия по фамилии руководителя – «хозяйство Зернова», «хозяйство Чурина», «хозяйство Васильева». Самым жизнестойким оказалось слова «зона». Оно используется в речи до сих пор, в то время как остальные, постепенно вышли из активного словаря. По всей видимости это произошло потому, что градообразующее предприятие со временем обрело название, которое стало можно озвучивать, таким образом оно легализовалось. В тоже время территория всего города неизменно осталась закрытой, огороженной забором, охраняемой солдатами, служебными собаками, и ассоциация с одной из наиболее распространенных трактовок этого слова, означающая тюремную, лагерную территорию, показала себя наиболее жизнеспособной. Однако значение, вкладываемое в это слово резидентами закрытых городов, далеко от негативной пенитенциарной окраски. Для них «зона» лишь привычно обозначает отгороженную, закрытую территорию.

В противовес «зоне» территория вне объекта называлась «Большая земля». В этом эвфемизме читается и противопоставление (если там «Большая земля», значит здесь – малая), которое подчеркивает обособленность, но, вместе с тем, это и намек на неразрывную связь (малое – часть большого). Это выражение использовалось и в Сарове, и в удаленных от него на тысячи километров секретных атомных поселениях Урала и Сибири, что свидетельствует о единстве ощущений их резидентов.

Ядерный реактор назывался участниками проекта «котел», а первый промышленный атомный реактор (объект «А») имел собственное имя – Аннушка. Другое женское имя – Татьяна – закрепилось за первой серийной атомной бомбой. Известны две расшифровки аббревиатуры первого опытного ядерного заряда РДС – «Реактивный Двигатель Сталина» или «Россия (варианты – Родина, русские) Делает Сама». Авторство фраз приписывается и И.В. Сталину, и К.И. Щелкину, и обезличено – сотрудникам КБ-11. Однако,

согласно документам, все было гораздо прозаичней, и аббревиатура скрывала «реактивный двигатель С» (специальный) (8. С. 435). При этом все же существование обеих мифологем довольно симптоматично, показывает российское отношение к отечественной атомной бомбе (здесь и государственный характер дела, и дань «вождю народов», и патриотизм, и национальная гордость свершенным). Нашлось место в этом ряду и Л.П. Берии: новому атомному реактору серии «АД» был присвоен индекс ЛБ-120 (аббревиатура ЛБ расшифровывается как «Лаврентий Берия», а число 120 взято от условного наименования плутония – теллур-120). Индекс продержался недолго, после «разоблачения» Берии он был заменен на ОК-120 (ОК – особая конструкция) (12. С. 111).

Конструктивный принцип первой советской водородной бомбы именовали «слоистой» (в Советском Союзе так назывались пирожки или булочки из слоеного теста), а «начинку» для этой «слойки» – «Лидочкой» (LiD – дейтерид лития). «Съедобная тема» прослеживается в имени «шоколадники», которое получали работники особо вредных производств (в частности, на первом советском плутониевом заводе), поскольку на обед им выдавалась плитка шоколада за производственную «вредность» (15. С. 17). «Козлами» стали спекшиеся с графитом урановые блочки (распространенная и неприятная проблема на начальных этапах работ); каплевидные застывшие образования, выпавшие по следу радиоактивного облака на поверхности земли после испытания, – «харитонки»; лебедки на поглотителях реактора, которые предложил установить И.В. Курчатов, – ХИВы («хреновины Игоря Васильевича», о которые все запинались и падали) (1. С. 20; 4. С. 132; 10. С. 102). Вообще с именами научных руководителей или начальников различных рангов градообразующих предприятий связаны многие выражения. Тонкая игра слов в известной среди атомщиков фразе «сначала мы «обхаритонили» американцев, а затем их «забабахали» обыгрывает фамилии научных руководителей коллективов-разработчиков ядерного оружия Ю.Б. Харитона и Е.И. Забабахина и показывает направленность и значение создания советской атомной бомбы как процесса, в котором следовало догнать, сравняться, обойти и превзойти США (в этом случае слово «обхаритонить» заменяет «обойти», «перехитрить», а «забабахать» – «победить», «подавить»).

Участники атомного проекта быстро учились делить информацию на ту, которую можно озвучивать и ту, которую нужно хра-

нить в секрете, они определяли, с кем они могут или не могут говорить по той или иной теме, где и когда. «Были ли мы в большой компании, или только вдвоем с близким сослуживцем у кого-либо дома, или на лодке посреди озера Иртыш, абсолютно трезвые или в веселом настроении после нескольких рюмок или бокалов горячительных напитков, – вне рабочей обстановки у нас никогда не возникали разговоры на служебные темы. Даже с женой, работая на одном реакторе [...], мы всегда придерживались этого правила», – вспоминает свою работу в конце 1940-х годов на заводе «Маяк» П.А. Журавлев, будущий директор другого атомного предприятия – Сибирского химического комбината (5. С. 91). Более свободного стиля общения придерживались «большие» ученые, обсуждая интересовавшие их научные проблемы и вне рабочего места, однако и для них существовали границы. «Будут важные совещания «старейших», вы не должны обижаться, что вас на них не пригласят, – напутствовал Я.Б. Зельдович только что приехавшего на объект А.Д. Сахарова. – Меня тоже на многие совещания не приглашают, кроме тех, на которых нужно мое мнение. Вы должны выработать в себе правильное отношение к этим вопросам. Тут кругом навалом все секретно, и, чем меньше вы будете знать лишнего, тем спокойней будет для вас» (11. С. 156).

Таким образом, применяемые в коммуникативном пространстве советского атомного проекта информационные коды, с одной стороны, были довольно эффективным средством, обеспечивающим секретность проекта. С другой стороны, они формировали корпоративную «атомную» культуру, являясь составной ее частью, обеспечивали единство «атомной» общности.

Литература:

1. Брохович Б.В. Игорь Васильевич Курчатov на Южном Урале – в Челябинске-40: воспоминания ветеранов. [б. м.], 1993. 33 с.
2. Веретенников А.И. Рядом с атомной бомбой // Наука и жизнь. 2000. № 1. С. 52–56.
3. Волобуев Г.Т. Генерал А.С. Александров и тайны Атомного проекта СССР. Зеленогорск: Типография ООО «Нонпарель», 2011. 192 с.
4. Горелик Г. Наука и жизнь в 1949 году, или Водородная бомба в мичуринском саду // Знание-Сила. 1994. № 8. С. 128–133.
5. Журавлев П.А. Мой атомный век // Творцы атомного века. Славский Е.П. М.: СловоДело, 2013. 438 с.

6. Кузнецова Р.В. Историографический обзор источников и литературы по теме «Академик Игорь Васильевич Курчатов» // URL: <http://www.nrcki.ru/files/pdf/1405942082.pdf> (дата обращения: 10.02.2016).
7. Лившиц Е.М. Ландау – ученый, учитель, человек // URL: http://ggorelik.narod.ru/Dau/ZS_Landafshits.htm (дата обращения 10.02.2016).
8. Постановление Совета министров СССР № 1286-525сс «О плане развертывания работ КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР» // Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Кн. 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.
9. Протокол № 73 заседания Специального комитета при Совете министров СССР // Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Кн. 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.
10. Рассказы атомщиков. И в шутку, и всерьез. Сборник / сост. А.И. Веретенников. М.: ИздАТ, 1998. 160 с.
11. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 2 т. / ред.-сост.: Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. М.: Права человека, 1996. Т. 1. 912 с.
12. Скала. Книга, посвященная 60-летию ФГУП «ГХК». Красноярск: ООО «Платина плюс», 2010. 176 с.
13. Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... / авт. кол.: Е.А. Негин, Л.П. Голеусова, Г.Д. Куличков, П.П. Максименко, Г.С. Окутина. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000. 215 с.
14. Справка о ложных объектах // Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Кн. 5. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 976 с.
15. Фонды Музея трудовой славы «Производственного объединения «Маяк». Рыбакова О.С. Воспоминания. Челябинск-65, 1973. Рукопись.
16. Халатников И.М. Дау, Кентавр и другие. Topnon-secret. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. 192 с.